

Andrzej Sitarski
Poznań

**Карнавальная концепция мира и человека
в аксиологическом аспекте
(на материале избранных русских и польских
фразеологических единиц)**

Во фразеологической системе польского и русского языков интересными в семантическом и аксиологическом аспекте являются языковые единицы, лексические компоненты которых в результате своей сочетаемости с последующим или предшествующим его словами нарушают свойства обозначаемых ими предметов и явлений, а также логические и оправданные их натурой законы функционирования, например, в русском языке *ходить на голове, стрелять глазами*, в польском: *kaktus wyrośnie na dłoni, niebieskie migdały*. В таких языковых формах возможными являются сочетания отдаленных понятий, ценностей и явлений, которые в обычном ритме жизни являются изолированными.

Интересно обратить внимание на тот факт, что в приведенных примерах выражается то, чего в реальном мире не было и быть не может. Они информируют о таких состояниях различных объектов, бытующих в мире, которым не свойственны приписываемые им физические или другие качества, что вытекает из дословной семантической интерпретации лексических компонентов, строящих данный фразеологизм. Как подчеркивает Е. Бартиминьски, приведенные единицы являются примерами языка, основанного на карнавальной концепции „мира наоборот”, в котором нарушены все законы, обязывающие в мире, которые закрепились в семантической структуре указанных единиц¹. М. Руминьска интерпретирует карнавализацию как отход от существующего и санкционированного порядка вещей, который заключается в расшатывании не только общественных норм, но также норм в сфере языковой коммуникации².

¹ J. Bartmiński, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2006, с. 62.

² М. Руминьска, *Michała Bachtina teoria karnawalizacji języka*, [в:] J. Mazur, М. Руминьска (red.), *Humor i karnawalizacja we współczesnej komunikacji językowej*, Lublin 2007, с. 182.

В карнавальной речи допустимым на уровне высказывания является сочетание наиболее отдаленных друг от друга понятий, идей, значений слов, сочетаемость которых в нормальных условиях, в рамках общепринятой их валентности, оказывается невозможной, напр.: *повиснуть в воздухе, питать надежду, играть глазами*; польск.: *przelewać z pustego w próżne, utopić w łyżce wody, spuścić nos na kwintę, grać na nosie*.

Приведенные примеры фразеологизмов, построенных по принципу: невозможное оказывается возможным, являются также языковыми формами экспрессии мировоззрения человека. Они отвечают различным сторонам человеческой активности, его обычаям, оценкам происходящих явлений, а также его языку.

Следует подчеркнуть, что со временем карнавальные устойчивые фразы нашли свое место в различных литературных текстах, но прежде всего они освоились разговорным языком и, не теряя своего карнавального происхождения, образовали известные нам фразеологические единицы.

Сегодня продолжением идеи карнавального языка являются хотя бы искаженные в структурном и семантическом отношении фразеологизмы, выступающие, например, в структуре современных русских и польских газетных заголовков, напр.: *Jak trwoga to do wroga; Wygrać posła na loterii; Jakubowska Trybunałem w plot*; русск. *Домоклов тест; Капля дегтя в бочке йода*.

Итак, рожденный в средневековье языковой карнавал придавал межчеловеческим отношениям, а также языку характер чего-то необыкновенного. Главной задачей такого процесса было сорвать с грамматическими, семантическими и логическими правилами, ломать языковое табу, а также соединять все, что в человеческом сознании выступает как противоположное, отдаленное друг от друга. Такое поведение человека, как замечает М. Раевски, можно объяснить тем, что человеческая жизнь характеризуется состоянием неустойчивого равновесия. Она колеблется между двумя противоположностями, из которых первая символизирует склонность человека к логическому подходу и контролю мира. Вторая противоположность является его стремлением к удовлетворению чувственного удовольствия, а также восхищением, замешательством и отсутствием порядка³. Такой подход к действительности сохраняется и закрепляется в его языке, в котором отражается способ видения им мира, его организация

³ М. Rajewski, *Karnawał w ujęciu antropologicznym*, [в:] J. Mazur, M. Rumińska (red.), op. cit., с. 205.

мира, и в результате – его концептуализация, которая, с одной стороны, может быть универсальной, а с другой – национально специфичной.

Семантическая интерпретация русских и польских фразеологизмов, как, напр.: *класть зубы на полку, молочные реки и кисельные берега, плакать кровавыми слезами, утопить в ложке воды кого*; польск. *zawisnąć w powietrzu, grać na nerwach komuś, czuć pismo nosem, gryźć kamienie, mazać pióro w żółci*, основанных на карнавальном концепции парадокса, в котором нарушены правила, обязывающие и закрепленные в основном семантическом содержании, образующих словосочетания лексем, информирующих о положении вещей, несоответствующих физическим свойствам известных предметов, позволяет увидеть в них также экспрессивный способ восприятия мира, но прежде всего человека, как главного его организатора. Можно сказать, что семантическая организация анализируемых фразеологизмов основывается на принципе антропоцентризма – воззрения, согласно которому человек есть центр и высшая цель мира. Поэтому человек становится точкой отсчета в содержании характеризуемых фразеологизмов, он вовлечен в их анализ, определяя их перспективу и конечные цели. Авторы польского издания монографии *Kognitywne podstawy języka i językoznawstwa*⁴, обращают внимание на факт, что в процессе познания действительности на более обобщенном уровне человек переносит собственную эгоцентрическую ориентацию на другого человека. Психическая близость, какую человек испытывает по отношению к другому человеку, определяет его антропоцентрическую перспективу видения мира. Антропоцентрическая перспектива восприятия мира вытекает из факта, что человек заинтересован в нем прежде всего другим человеком, похожим на него самого. Он заинтересован его мыслями, действиями, поступками, движениями его тела, предметами, которые к нему принадлежат. Можно сказать, что человек во всех языковых информационных о фактах, явлениях, процессах, происходящих вокруг него и по отношению к нему занимает привилегированное положение⁵.

Следует отметить, что конструируемый человеком в анализируемых фразеологизмах образ человека является обыденной его интерпретацией. В научной литературе она определяется как наивная, что, по мнению Е. Бартминьского, значит одновременно „антропоцентрическая” или

⁴ E. Tabakowska (red.), *Kognitywne podstawy języka i językoznawstwa*, Kraków 2001.

⁵ Ibidem, с. 23.

„этноцентрическая”, которая строится с точки зрения человека и по мере его возможностей⁶.

Как утверждает Н. Семененко, фразеологизмы интересны для исследователя в нескольких ракурсах: а) в плане установления средств языковой выразительности; б) с точки зрения особенностей их семантической структуры, а также в) для рассмотрения основных прагматических установок, действующих практически независимо от конкретных социально-исторических условий и не теряющих своей актуальности на протяжении сотен лет⁷. В анализируемых нами примерах русских и польских фразеологизмов, почерпнутых из словаря Ю. Люкшина⁸, содержатся стабилизированные общественные коннотации, т.е. убеждения и воображения, касающиеся человека как объекта аксиологической характеристики. Аксиологический аспект предполагает определение того, что человек считает ценным для себя и для другого человека, что в человеке является полезным, а что является вредным, прекрасным и безобразным, так как объективный мир, частью которого является человек, членится им самим с точки зрения его ценностного характера – нормами представления о хорошем и плохом. Ценности с одной стороны обуславливают процесс познания человеком другого человека, социального мира, а с другой – они регулируют его поведение среди людей.

Анализируя польские и русские фразеологизмы с точки зрения их заданной семантической и структурной характеристики, следует подчеркнуть, что такие словосочетания, выделяемые в их структуре, как, напр.: *ходить на голове, каша в голове у кого, пожирать глазами, стрелять глазами, глаза на лоб лезут, уши вянут, за ушами трещит (есть аж за ушами трещит)*; польск. *uszy wędną, spuścić nos (na kwintę), serce podchodzi do gardła, serce na dłoni (mieć), buty wołają pić, buty jeść proszą, ruszyć rozumem jak martwe ciele ogonem*, либо пример, автором которого является Станислав Ежи Лец: *nie mlaskać oczyma* нужно рассматривать с семантической точки зрения как выражения будто бы лишённые смысла, в которых, исходя из прямых значений, образующих их компонентов, подвергаются сомнению законы семантической правильности. С другой стороны, приведенные словосочетания нашлись в пределах устойчивых структур – фразеологизмов, как результат их метафорического употребления, функционирующих прежде

⁶ J. Bartmiński, op. cit., s. 157.

⁷ Н.Н. Семененко, *Базовые семантические свойства русских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода*, [в:] *XIX Olomoucký Dny Rusisty*, Olomouc 2008, с. 403–404.

⁸ J. Lukszyn, *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*, Warszawa 1998.

всего в разговорном варианте речи. Рассматриваемые словосочетания, образующие семантическую и формальную структуру фразеологизмов, являются примером карнавального нарушения семантической традиции (семантических валентностей), и одновременно возбуждения, а также удивления их отличной семантической ролью.

Фразеологизмы, в которых в значительной степени фиксируется стереотипное отношение к человеку, являются богатым источником черт, которые его характеризуют и оценивают. Лингвистической прослойке стереотипа, зафиксированной во фразеологизмах, лингвисты, как утверждает В. Хлебда, признают значительность, как основе реконструкции ментальной сферы человека⁹. Таким образом, можно сказать, что стереотипы в определенной степени отражают закрепленные в воображении изображения человека как объекта оценки, образцы его поведения.

Опираясь на фактографический материал, интересно проследить, в каких сферах реализуется оценочный компонент в польских и русских фразеологизмах, построенных по принципу карнавальной концепции „мира наооборот”, в которой нарушаются законы, обязывающие и закрепленные в содержании слов данного языка. Такая семантическая несвязность охватывает разные семантические категории, которые используются в обыденно воспринимаемой картине человека. Русский и польский языки богаты устойчивыми словосочетаниями, буквальный смысл которых является примером реализации идеи парадоксальной концепции мира. Эти парадоксы тематически касаются жизни человека, его внешнего вида и нравственной характеристики. Нравственность, интеллектуальные способности человека определяются в следующих фразеологизмах: *ходячая добродетель, ходячий справочник, ходячий университет, ходячая энциклопедия, живая летопись*; польск. *chodząca cnota, chodząca encyklopedia, żywa kronika, chodząca metryka*.

Поведение человека, его эмоциональное и физическое состояние характеризуются фразеологизмами, лексическом компонентами которых являются соматизмы. Интересно отметить, что во многих жанрах искусства изображения человеческого тела отождествляет определенная схема и порядок. Можно сказать, что тело человека является микрокосмосом, полюсами которого являются голова – верх и ноги – низ. В карнавальной концепции

⁹ W. Chlebda, *Stereotyp jako jedność języka, myślenia i działania*, [в:] J. Anusiewicz, J. Bartmiński (red.), *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki, Teoria, metodologia, analizy empiryczne*, „Język a Kultura”, t. 12, Wrocław 1998, с. 32.

мира тело подвергается деформации. Идея семантического парадокса, использованная в семантической структуре фразеологизмов с соматическим элементом заключается в том, что неодушевленное может оказаться одушевленным. Итак, например, голова в парадоксальной концепции мира перестает символизировать равновесие, а получает отрицательные коннотации. Она является очагом страха, беспорядка, плохой памяти, рассеянности, легкомысленности, простоты и нереальности, напр.: *ходить на голове* ‘шалить’, *туман в голове*, *голова как решето*, *каша в голове*, *прятать голову в песок*, *безголовый человек*; польск.: *stawać na głowie*, *dziurawa głowa*, *mieć zielono w głowie*, *człowiek bez głowy*, *kłaść łopatą do głowy*, *marzenie ściętej głowy*.

Лексема *глаза*, кроме своих символических значений: ‘окно, душа, стыд, ревность’, во многих польских и русских фразеологизмах сочетается со словами, которые обычно относятся к другим частям тела, напр., ко рту (пожирать), к руке (стрелять), к ногам (обежать, лезть) или у них совсем другая основная сфера употребления. Приведем примеры: *пожирать глазами*, *обежать глазами*, *стрелять глазами*, *глаза на лоб лезут*, *мешки под глазами*, *искры из глаз посыпались*, *замазать глаза*, *пелена с глаз упала*; польск. *pożerać oczami*, *obrzucić wzrokiem*, *strzelać okiem*, *worki pod oczami*, *świeczki stanęły w oczach*, *zamydlić oczy*.

Лексема *язык*, ассоциирующаяся с понятием речи, во многих фразеологизмах относится именно к такому ее значению. Эти фразеологизмы часто приобретают также оценочные коннотации. Одновременно лексический компонент *язык* в структуре фразеологических единиц, построенных по принципу карнавального парадокса, может сочетаться со словами, которые информируют о таких состояниях языка, которые в своем основном значении не соответствуют его физическим свойствам, образуя словосочетания, которые можно также оценить как семантически несвязные, например: *ломать язык*, *язык ломаешь*, *тянуть за язык*, *язык повернулся*, *наступить на язык*, *чесать язык*, *язык заплетается у кого*; польск. *łamać sobie język*, *trzepać językiem*, *ciągnąć za język kogoś*, *język się plącze*.

Представленные примеры польских и русских фразеологических единиц позволяют отметить, что все они построены по принципу использования семантического парадокса. Следует однако подчеркнуть, что семантическая несвязность, используемая в реализации семантической сочетаемости слов, образующих указанные фразеологизмы, является одновременно показателем их метафорического употребления, которое

строится в результате нарушения семантической когерентности, при буквальном значении слов, образующих рассматриваемые фразеологические единицы.

В заключении наших наблюдений над польскими и русскими фразеологизмами, в словарной структуре которых использованы идеи карнавализации языка, следует подчеркнуть, что хотя современные потребители обоих языков могут не замечать в указанных фразеологизмах давнего карнавального языка, усматривая в них только своеобразные примеры фразеологических инноваций, то все же в их структуре нарушены законы семантической валентности. На наш взгляд, это явление следует оценивать как результат сознательного творческого приема, а не как нарушение норм сочетаемости слов на семантическом уровне.

Streszczenie

*Karnawałowa koncepcja świata i człowieka w aspekcie aksjologicznym
(na materiale wybranych rosyjskich i polskich jednostek frazeologicznych)*

Autor zwraca uwagę na funkcjonujące we współczesnym języku rosyjskim i polskim frazeologizmy, których komponenty leksykalne, łącząc się ze sobą, pozostają w sprzeczności z normami tzw. walencji semantycznej. Frazeologizmy te są echem reguł karnawałowej koncepcji „świata na opak”, w którym naruszane są wszystkie zasady obowiązujące w świecie.

Przytoczony materiał frazeologiczny pozwala stwierdzić, że w całości ma on charakter antropocentryczny i dotyczy różnych aspektów wartościowania człowieka. Rozpatrywane frazeologizmy to nie tylko przykłady specyficznych innowacji jednostek frazeologicznych, ale przede wszystkim rezultat świadomego aktu twórczego opartego na zasadach teorii karnawalizacji języka.

Summary

*The carnival conceptualisation of world and the man in the axiological aspect
(on the basis of selected Russian and Polish phrase units)*

The author draws attention in the text to the fixed phrases functioning in the Polish and Russian languages, whose lexical components, on joining to form the phrase, are in contradiction to the norms of the so called semantic valence.

The phrases are an echo of the rules of the carnival concept of the «world upside-down», in which all existing norms and rules are transgressed.

The analysed phrase corpus permits a conclusion that it is in its entirety anthropocentric of character and refers to various aspects of evaluating of man.

The examined phrases are not only examples of peculiar innovations in phrase units, but also result of deliberate act of creation, based on rules of carnivalisation of language.